

Аксиома соленой ВОДЫ

Надежда Мартынова

Надежда Мартынова

Аксиома соленой воды

«Автор»

2026

Мартынова Н.

Аксиома соленой воды / Н. Мартынова — «Автор», 2026

Говорят, Земля — это просто старая палуба, на которую плесень наплевала узорами континентов. Хьюстон знает об этом больше других. Он — «вещий», человек с гниющей костью вместо ключа в кармане, способный видеть смерть до того, как она наступит. Он живет на борту ржавого линкора вместе с экипажем калек: Герцогом с медным механизмом вместо сердца, Теоретиком, чья деревянная нога пускает зеленые листья, Бондом чье тело напоминает треснувший фарфор и Крабом, у которого вместо рук клешни. Когда судьба приводит их к двери, которой нет ни на одной карте, они решают сбежать. Но чтобы покинуть дно, нужно сначала провалиться еще ниже — в пищевод спящего Левиафана, где время течет вспять, а страхи становятся топливом для котлов. Это история о том, что иногда единственный способ найти сушу — это перестать барахтаться против течения и позволить океану переварить тебя заживо.

© Мартынова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Надежда Мартынова

Аксиома соленой воды

Глава

Часть 1

Глава 1

— Эй, Хьюстон, ты видел танцующих белых медведей?

Я открыл глаза и посмотрел на круглый люк, из которого торчала голова Четвёртого адмирала.

— Кого?

— Медведей говорю, белых, танцующих.

— Да, только что, во сне, правда они не танцевали, а вязали себе свитера, и если бы вы меня не разбудили, то я бы, может, научился у них искусству вышивания французского узелка.

— Фи, какой невежа, закатил глаза адмирал, — вставай, во сне, конечно, можно и потанцевать, но кости разомнешь едва ли.

Деваться было некуда, пришлось вставать. Я, конечно, слышал от серверов, что все адмиралы чокнутые, в особенности Четвёртый, видите ли должность обязывает, что в принципе и понятно, следить за нами в здравом уме была невыносимо сложная задача.

Я поднялся под пристальным взглядом адмирала и слышал краем уха как он довольно хмыкнул, чем меня здорово разозлил, я уже хотел было повернуться и злобно на него посмотреть, но тут люк громко хлопнул, и я остался один в глухой тишине.

С чистой совестью я бухнулся обратно на кровать и заснул.

Проснулся я через несколько часов с ясным предчувствием, что что-то произошло, накинул на плечи куртку и вышел из каюты.

— Честертон пропал! — выпалил при виде меня Краб и тут же скрылся в каюте у какого-то малого, кличку которого я не знал.

На корабле была настоящая суматоха. Если честно, Честертон или инженер, как звали его свои, был не такой уж и важной птицей, чтобы кто-то горевал из-за его пропажи. Дело было в другом: на корабле уже несколько месяцев ходил слушок, что пару ребят в ночь дежурства обнаружила землю и теперь по очереди сматывают удочки, линяют, одним словом. Я в это не особо верил, а точнее не понимал на какой черт сдалась им эта земля, я прожил на ней пятнадцать лет и последний год на корабле был гораздо лучше всех их вместе взятых, но других ребят эта история впечатлила.

— Это вдохновляет, неправда ли? — спросил меня Бонд. — Земля! — он присвистнул. — Вот бы зажить как в старые добрые.

«Идиот», — подумал я.

Конечно, я не знал наверняка какая жизнь была у Бонда до корабля, может у него была любящая мамочка, хорошенькая подружка, и разряд в каком-нибудь идиотском виде спорта типа тенниса, но у меня то жизнь была паршивой.

С другой стороны, если у Бонда и была хорошая жизнь до корабля, то скорее всего он попал бы в место получше, потому что наш корабль был откровенной помойкой. Меня до сих пор удивляла мысль почему они вообще нас всех собрали, выделили судно, да ещё Четвертого адмирала в придачу, который был ценнее и судна и всех нас вместе взятых.

— Это аксиома, брат, — объяснил Теоретик, и его ответ стал настолько популярным, что обеспечил ему не только его прозвище, но и ответ каждому бывалому на вечный вопрос, который задавали все новички попавшие на корабль.

Аксиома это или нет всем было наплевать, они торчат тут уже год и вряд ли в ближайшее время что-то изменится.

— Кто видел его в последний раз?

— Это можно знать только сам Честертон, придурок.

За соседним столом было тихо. Слишком. Я оглянулся. Вся шайка, с которой велся Честертон сидела там, их главный - Герцог сидел с опущенной головой и барабанил длинными пальцами по столу. Он резко поднял голову, и я не успел отвести взгляд. Герцог смотрел прямо на меня. Затем улыбнулся и жестом пригласил присоединиться за их стол. Сначала я опешил, но потом вспомнив, что в этом мире больше нет ничего удивительного медленно встал.

— Как дела парень? Слышал, ты вещий? — спросил Краб, сидевший слева от Герцога. У парня вместо рук были клешни.

Я пожал плечами.

— Говорят.

— И что ты ничего не видел?

Я снова пожал плечами.

Быть честным будущее, которое сбылось я видел только три раза за всю жизнь. Первый раз перед смертью матери, второй раз перед тем, как травонуться ход-догом в закусочной на пятой улице, а третий перед концом света.

— Ты видел, что землю затопит, да? — на этот раз вопрос задал сам Герцог.

— Видел.

— И больше ничего?

— Ничего.

— Жаль.

Я еле сдержался чтоб не закатить глаза ... Еще один поклонник земли...

— Ты сегодня дежуришь? После такого события — это весьма волнительно, — как-то торжественно сказал Герцог. — Ты уж постарайся не заснуть

— Я хорошенько выспался, буду смотреть в оба, — ответил я и без каких-то дальнейших намёков отошёл в сторону.

Он что-то знает подумал я и с облегчением осознал, что эта информация никак меня не волнует.

Я поднялся на мостик. В рубке пахло озоном, остывшим кофе и чем-то сладковатым, как от гниющих фруктов. За главным иллюминатором не было привычной чернильной пустоты с искрами звезд. Там клубился густой, молочный туман, в котором медленно плыли вверх тормашками острова из черного вулканического стекла. На одном таком острове сидела чайка размером с альбатроса и чистила перья клювом, сделанным из старой медной проволоки. Она посмотрела на меня желтым глазом и каркнула голосом корабельной сирены.

Дежурство началось как обычно. Кнопки на пульте управления дышали под пальцами — они то втягивались внутрь мягкой резиновой плотью, то выталкивали себя обратно, пульсируя в такт моему сердцу. Главный навигационный экран покрылся испариной. Я протер его рукавом, но вместо координат увидел собственное отражение: оно смотрело на меня с опозданием в полсекунды, а потом вдруг моргнуло правым глазом, когда я еще даже не собирался этого делать.

Я прислонился лбом к прохладному стеклу. Корабль был помойкой снаружи, но внутри он давно перестал быть просто железом. Он жил своей жизнью, переваривая наши страхи и надежды, как огромный сытый зверь.

Говорили, что если спуститься в машинное отделение глубокой ночью, можно услышать, как стучит его механическое сердце, похожее на плач брошенного ребенка. Иногда трубы отопления капали не конденсатом, а темной венозной кровью, которая сворачивалась на палубе причудливыми фигурами, над которыми проплывала голова Четвертого адмирала: его никто никогда не видел целиком — только голову, которая заглядывала в люки, потому что остальное его тело растворилось в вентиляционных шахтах, став чистым паром и паранойей для всей команды.

Туман за бортом сгущался, обретая плотность мокрой ваты. Из него начали проступать тени. Это были не корабли-призраки и не морские чудища. Это были дома. Обычные панельные многоэтажки с застекленными балконами, на которых сушилось чье-то белье — серые простыни, тяжелые от морской соли. Между антенн натянуты бельевые веревки, а на них сидят те самые белые медведи, о которых спрашивал меня адмирал. Только они не танцевали. Они вязали из тумана свитера. Спицы так и мелькали в их огромных белых лапах, издавая тихий звон хрусталя. Медведи смотрели на наш корабль без любопытства, словно его не было, так, как смотрят дворники на утренний автобус.

— Опять смотришь? — раздалось за спиной.

Это был Теоретик. Он подошел бесшумно, хотя хромал на правую ногу, которую потерял еще до корабля. Сейчас она была приделана заново — выточенная из коряги, выброшенной штормом, со шнурками из водорослей. Когда Теоретик волновался, деревянная нога пускала свежие зеленые почки.

— Если смотреть достаточно долго, — сказал он, становясь рядом, — туман начинает показывать то, что ты заслуживаешь. Не то, что хочешь, а именно то, что тебе положено по весу души. Мне вот вчера показал библиотеку, где все книги написаны моей собственной мочой. Познавательно. Но скучно. Перечитывал «Войну и мир» три часа. Буквы расплывались.

— Там земля, — кивнул я на многоэтажки. — Та самая, ради которой Честертон решил стать легендой.

Теоретик хмыкнул, и его деревянная нога скрипнула, роняя сухую чешуйку коры.

— Дурак твой Честертон. Земли нет. Есть только двери. Вы, вещие, вечно путаете выход с фундаментом. Земля — это просто очень старая палуба, на которую плесень наплевала узорами континентов.

Он достал из кармана комок спутанных проводов и сунул один конец себе в ухо. Другой конец провода сам собой воткнулся в щель между тумблерами панели управления. Теоретик замер, закрыв глаза, прислушиваясь к тому, что гудит у корабля под кожей.

— Герцог знает про дверь, — продолжил он, не открывая глаз. — Потому он тебя и позвал. Ты же ключ, парень. Не отмычка, а такой старый, тяжелый ключ, который жмет в кармане. У тебя внутри столько ржавчины от прошлой жизни, что любая скважина перед тобой расширяется. Твоя мать умерла не просто так. И первый конец света отменили лишь потому, что ты вовремя подавился хот-догом. Вселенная бережет свои главные ключи.

Внезапно пульт вздрогнул. Кнопки перестали дышать и ошетинились короткими иглами. По навигационному стеклу пошла глубокая трещина, точь-в-точь повторяющая очертания залива, который здесь когда-то был. Молочный туман за окном заволновался. Панельные дома дрогнули, потеряли резкость и поползли вниз, словно кто-то потянул за невидимую скатерть. На их месте осталась одна-единственная дверь. Деревянная, обитая потертым дерматином, с латунным номером 13-А. Такие ставят в подъездах старых хрущевок. Из-под нее текла тонкая струйка грязной талой воды, в которой плавал окурок сигареты «Прима».

Корабль издал низкий утробный звук похожий на вздох исполинского кита. Нас качнуло. Бонд, дежуривший у другого борта, громко икнул, перекрестился и начал читать вслух инструкцию по выживанию при разгерметизации. Его голос звучал как треск ломающегося пенопласта.

— Пришел твой черед решать уравнение, — тихо сказал Теоретик и вытащил провод из уха. Провод обиженно дернулся и свернулся кольцом у его ног. — Герцог будет ждать внизу. Ему нужно знать, открывается ли эта дверь наружу или ведет в трюм номер четыре. А в трюме номер четыре мы храним старые новогодние гирлянды и бочки с утопленниками. Разницы почти никакой, оба места одинаково холодные.

Я посмотрел на свои руки. Ладони мелко дрожали, а линии жизни на них светились бледным фосфором, сплетаясь в схему водопровода нашего судна. Вся моя жизнь действительно была паршивой, но здесь, на этой помойке, законы физики не существовали: здесь боль превращалась в дерево, страх — в соленый туман, а смерть матери становилась всего лишь первым поворотом ключа в замочной скважине.

Земля оказалась не раем. Она оказалась просто выходом. Или входом. Для того, кто прожил тринадцать лет в бетонных коробках, разница была невелика.

— Передай Герцогу, — сказал я, чувствуя, как каюта вокруг становится прозрачной, а воздух густеет, превращаясь в кисель, — что я сейчас спущусь. Но сначала мне нужно договориться с медведями. Свитер из тумана — это единственное, что спасет нас, когда давление за бортом начнет падать.

Я шагнул мимо онемевшего Бонда к лестнице, ведущей на нижние палубы. С каждым шагом металл ступеней становился мягче, уступая под подошвами ботинок, как теплый асфальт июльским днем. Где-то глубоко внизу, там, где сходятся все переборки, заплакал Четвертый адмирал — тихо, монотонно, совсем не по-адмиральски. Слезы его просачивались сквозь обшивку и падали в океан забвения редким, теплым дождем.

Люк в конце коридора больше не был круглым. Он вытянулся, приобретая прямоугольные очертания, и обзавелся старым дверным глазком мутного стекла. Сквозь него сочился тусклый желтый свет подъездной лампы. Прежде чем толкнуть эту новую, незнакомую преграду, я обернулся.

Медведи закончили вязать. Один из них поднял лапу, сложив ее в человеческую фигу, и беззвучно послал приветствие нашему уходящему во тьму судну. Затем они аккуратно повесили готовый свитер из чистого холода на ближайший спутник связи и неспешно побрели по своим стеклянным островам дальше, оставляя за собой цепочку следов, которые тут же заполнились холодной жижой из песка и соли.

Глава 2

Я толкнул дверь. Она не поддалась — дерматин на ней оказался настоящим, с торчащими из прорех клочьями пожелтевшей ваты, а латунная ручка обжигала пальцы ледяным холодом. Тогда я нажал плечом. Дверь вздохнула, как спящий человек, и впустила меня внутрь, тут же захлопнувшись за спиной.

Звук корабельной тревоги отрезало мгновенно. Я стоял в типичном тамбуре старой многоэтажки: облупившаяся зеленая краска до уровня пояса, выше — газетные обои в выцветший мелкий цветочек, сквозь которые проступали темные пятна плесени. Пахло жареной картошкой с луком, кошачьей мочой и пылью. Абсолютно земной, бытовой запах, от которого у меня свело скулы — мышцы лица давно забыли, как реагировать на нормальность.

Лампочка под потолком мигнула и разгорелась ровным оранжевым светом. На стене висели почтовые ящики. Сорок штук ржавого железа. Номера шли подряд: 13, 14, 15... Мой палец сам собой ткнулся в щель ящика «13-А». Внутри что-то завозилось, зашуршало старыми газетами, и наружу высунулась крыса в крошечном вязаном берете. Она посмотрела на меня бусинками глаз, вежливо поздоровалась человеческим голосом: «Добрый вечер, молодой человек», — и втянулась обратно, поправив за собой конверт со штемпелем девяносто восьмого года.

— Вещие всегда начинают с лестниц, — раздалось сверху. — Потому что падать больнее всего, даже если летишь вверх.

Я поднял голову. Лестничный пролет уходил куда-то в бесконечность, закручиваясь против часовой стрелки, хотя снаружи дом казался стандартной пятиэтажкой. Перила оплетали живые провода с патронами, в которых вместо лампочек пульсировали синие светлячки. На ступеньках сидели тени жильцов. Старуха с третьего этажа перебирала четки из сушеных фалангов пальцев, молодая мать катала по бетону пустую детскую коляску — колеса оставляли на сером полу следы цвета запекшейся крови. Никто из них не обращал на меня внимания. Они были заняты своими делами, запертые внутри собственных посмертных привычек.

На площадке между вторым и третьим этажом сидел Герцог. Он снял свой парадный китель и остался в одной майке-алкоголичке. Его кожа в тусклом свете светлячков казалась полупрозрачной, и было видно, как под ней медленно перекачиваются шестеренки старых настенных часов. Рядом с ним на корточках примостился Краб. У Краба больше не было клешней — вместо рук из рукавов бушлата росли настоящие крабьи лапы, которыми он нервно щелкал по бетонной ступеньке, выбивая искры.

— Ну? — Герцог сплюнул вниз. Слюна полетела слишком долго и упала с мягким стуком, расплескавшись лужицей ртути. — Что видишь?

— Подъезд, — честно ответил я. — И соседей.

— Это фасад, — поморщился Герцог. — Обертка для дураков вроде Бонда. Земля — это то, что находится между этажами. То, чем пахнет в лифте, когда спускаешься ночью с мусорным пакетом. Чувствуешь?

Он был прав. Запах жареной картошки начал отступать, уступая место другому — запаху мокрого бетона, озона после удара молнии и той самой сладкой гнили из рубки. Стены подъезда пошли рябью. Зеленая краска стекала вниз тяжелыми каплями, обнажая под собой не кирпичную кладку, а чешуйчатую кожу какого-то исполинского зверя. Зверь тихо выдохнул, и сквозняк пронес мимо меня обрывок чьего-то детского рисунка: солнце, похожее на спиральную галактику, и кривая надпись красным карандашом «МАМА ВЕРНИСЬ».

— Мы собрали этот корабль из обломков наших жизней, — сказал Герцог, проводя пальцем по перилам. От его прикосновения дерево застонало женским голосом. — Адмирал думает, что он управляет судном. Теоретик думает, что понимает законы физики. А мы просто течем. Корабль — это река времени, парень. Грязная, медленная река. Но любая река должна впадать во что-то. Честертон понял это первым. Он не сбежал. Он просто перестал барахтаться против течения и позволил воде забрать себя. Посмотри внимательно. Видишь ту трещину в штукатурке? Похоже на дельту Амазонки.

Я прищурился. Трещина действительно ветвилась. По ее извилинам полз настоящий древесный жук размером с собаку. Он тащил на спине осколок зеркала, в котором отражался не я, а мой отец — молодой, пьяный, замахивающийся ремнем. Отражение беззвучно кричало. Я сглотнул ком в горле.

— Зачем ты мне это показываешь? — спросил я.

— Потому что сегодня твоя очередь стать руслом, — Герцог поднялся. Шестеренки под его кожей ускорили бег, издав тихий гул. — Корабль гниет. Четвертый адмирал плачет так сильно, что уровень конденсата в машинном отделении поднялся на два метра. Если мы не найдем выход, нас просто раздавит собственным прошлым. Ты ключ. Но ключи бесполезны, если нет того, кто решится вставить их в скважину и повернуть. Даже если вместе с замком вырвет кусок стены.

Краб клацнул клешнями и протянул мне предмет, зажатый в хитиновых пальцах. Это была обычная латунная дверная ручка старого советского образца — такая же, как на входе, только теплая и чуть влажная.

— Он оставил её, — просипел Краб своим новым, булькающим голосом. — Сказал, последняя деталь. Без неё дверь не повернется.

В кармане куртки вдруг стало невыносимо тяжело. Я сунул туда руку и вытащил то, чего раньше не замечал. Огромный, покрытый сложной резьбой ключ. Бородка его была сделана из моей собственной кости — я узнал характерный изгиб лучезапястного сустава, который сломал в восемь лет, выпав из окна первого этажа. Головка ключа была выточена из мутного янтаря, а внутри него навсегда застыла муха, точная копия той, что сидела на губе отца в день похорон матери.

— Где? — хрипло спросил я.

Герцог молча подошел к стене, возле которой стоял. Провода-светлячки испуганно погасли. Он приложил ладонь к обоям в мелкий цветочек. Шкура зверя под краской напряглась.

— Здесь, — сказал Герцог. — Прямо под словом «Кристина шлю». Последние две буквы стерлись.

Я посмотрел на стену. Среди бессмысленных подростковых граффити («Панки хой», «8Б - лохи») действительно было нацарапано старые, полустертые слова. Буквы едва заметно сочились ржавой жидкостью.

Я шагнул вперед. Деревянная нога Теоретика где-то далеко внизу снова пустила зеленые почки. Медведи на стеклянных островах замерли, задрав морды к черному небу. Четвертый адмирал в вентиляционной шахте сделал глубокий вдох, готовясь зарыдать в голос.

Я вставил латунную ручку в стык между двумя обрывками обоев. Он вошел идеально, с сухим деревянным хрустом.

И я повернул его против часовой стрелки.

Стена не открылась. Она начала выворачиваться наизнанку. Обои треснули, как яичная скорлупа, и осыпались. Из пролома пахнуло ледяным ветром бескрайней степи. Там, за бывшим подъездом, больше не было ни корабля, ни космоса, ни панельных домов. Там лежала настоящая земля — выжженная дочерна равнина, над которой стояло три багровых солнца. По этой равнине, оставляя глубокие борозды, шел наш корабль. Только теперь он был размером с ладонь, слепленный из хлебного мякиша. За штурвалом сидел маленький Честертон, махал мне рукой и улыбался ртом, полным земли.

А прямо перед нами, преграждая путь игрушечному судну, из почвы медленно прорастал гигантский корень. Он поднимался все выше, принимая форму человеческой фигуры. Фигура расправила плечи, сплетенные из жил и перегноя, наклонилась к нам и открыла глаза. Это было мое собственное лицо, состаренное на тысячу лет, изъеденное червями и просветленное абсолютным покоем.

Земля узнала своего сына и пришла забрать его домой.

— Ну же, вещий, — прошептал за спиной Герцог. — Скажи ей, что мы еще не допили чай. Или скажи, что готовы. Выбирай аккуратно. Первое слово после поворота ключа становится законом новой гравитации.

Корень — я уже тянул к нашему борту свои узловатые пальцы, намереваясь погладить ржавый металл, успокоить дрожь уставших двигателей. Я смотрел на свое растущее из бездны отражение и понимал аксиому Теоретика: дело было не в том, чтобы сбежать с корабля. Дело было в том, чтобы признать этот корабль единственной щепкой, которая удерживала тебя на плаву посреди потопы.

Я набрал в легкие воздух, пахнувший гарью и свободой, и заговорил.

Глава 3

— Мы забыли выключить утюг, — сказал я.

Корень — я замер. Его глаза—плесень моргнули. Три багровых солнца в небе споткнулись о невидимую кочку и покатались за горизонт, как перезрелые помидоры. Пространство вокруг нас обиженно икнуло. Хлебный корабль внизу поперхнулся парусом из марли, а крошечный Честертон выронил штурвал.

Герцог за моей спиной тихо выдохнул. Я почувствовал запах озона и жженой карамели — так пахнет короткое замыкание в человеческом теле.

— Утюг? — переспросил корень голосом, похожим на скрип старой паркетной доски под тяжестью гроба. Из трещин в его коре посыпались сухие вишневые косточки.

— Советский. С отпаривателем. Модель «Витязь», — кивнул я, не отводя взгляда от своего исполинского двойника. — На подоконнике. В нашей квартире. Мать гладила школьную форму перед родительским собранием. Потом пришли люди в синих халатах, санитары или милиция, уже не вспомню... Она так и ушла с кухни, оставив вилку в розетке. Вода выкипела. Подошва расплавилась и намертво приварилась к клеенке. Эта клеенка горит до сих пор. Если прислушаться, можно услышать шипение.

Я говорил чистую правду. Это было мое четвертое видение, но первое, которое случилось по моему собственному желанию. Будущее не падало на меня камнем, я сам вытягивал его из воздуха за невидимые ниточки.

Гигант наклонился ниже. От него пахло погребом, осенними листьями и тем самым запахом гари из машинного отделения нашего корабля. Он всматривался в меня своими глазами-скважинами, пытаясь найти там ту самую квартиру, желтый пластик стола и черный пластмассовый корпус «Витязя». Вся бескрайняя степь дрожала от напряжения этого поиска.

В кармане куртки что-то шевельнулось. Я опустил руку и достал ключ. Костяная бородка изменилась. Теперь это была точная копия той самой штепсельной вилки от советского утюга — два толстых штыря и фигурные вырезы заземления. Мой прошлый страх стал инструментом. Моя самая глубокая вина стала пропуском.

— Земля всегда требует долга, парень, — хрипло прошептал Герцог мне в ухо. — Крови, костей, памяти. Но ты дал ей бытовую задолженность. Мелочь, которая страшнее любой смерти, потому что она никогда не заканчивается. Ей нечего здесь делать. У нее нет инструкции для таких случаев.

Я шагнул вперед, прямо к лицу великана. Мои ботинки ступили на почву, которая оказалась мягкой, как мокрый пластилин. Я протянул руку и вставил вилку-ключ прямо в одну из ноздрей собственного исполинского лица. Раздалось тихое, влажное щелканье. Словно кто-то вынул пробку из ванны, полной жидкой грязи.

Ржавчина внутри меня отозвалась глухим звоном. Шестеренки под кожей Герцога сорвались с оси и со звоном посыпались ему в сапоги. Клешня Краба осыпалась сухой трухой, обнажив бледную человеческую кисть с обгрызенными ногтями.

Великан начал таять. Не умирать, не рассыпаться, а именно оплывать, как гигантская восковая свеча. Багровые солнца окончательно погасли, уступив место обычному, тусклому серому небу, затянутому низкими облаками. Запах выжженной степи сменился запахом мокрого асфальта и прелой листвы. Равнина пошла трещинами, сквозь которые проступила знакомая палуба нашего судна — только теперь она была чистой. Грязь сошла с нее, словно старая шелушащаяся кожа после солнечного ожога.

Хлебный корабль внизу увеличился в размерах, обретая свою настоящую ржавую стать. Маленький Честертон чихнул облачком муки, помахал нам на прощание и спустился в трюм заваривать чай.

Наступила тишина.

— И что теперь? — спросил Краб. Его голос снова принадлежал человеку, хотя и звучал непривычно высоко. Он смотрел на свои нормальные руки с ужасом ребенка, проснувшегося в чужом теле.

Теперь земля выглядела иначе. Это был берег. Обычный речной или морской пляж где-нибудь под Мурманском: серый песок, перемешанный с битым бутылочным стеклом, старые автомобильные покрышки, торчащие из ила, и бесконечные ряды гниющих свай. Никакого рая. Просто остановка.

Из-за ближайшей перевернутой баржи вышел Теоретик. Его нога больше не пускала почки, она просто была деревянной ногой — тяжелой, надежной, покрытой корабельным лаком. В руках он держал эмалированное ведро полное дождевой воды.

— Пароходство закрывается, — буднично сообщил он, ставя ведро на песок. — Рейсы отменены ввиду отсутствия пункта назначения. Поезд пришел.

Он посмотрел на меня, прищурившись:

— Как плечо? Не жмет?

Я пошевелил левой рукой. Ключица, которую я сломал полгода назад во время шторма, ныла привычной тупой болью. Настоящей физической болью, без всяких видений.

— Нормально.

— Вот и славно, — кивнул Теоретик. — Значит, уравнение решено. Сумма всех наших кошмаров равна нулю, если признать их частью архитектурного плана.

Сверху послышался скрежет. Мы подняли головы. Над нами больше не было палубы. Был бетонный потолок типового подъезда девятого этажа. Сквозь лопнувшую трубу отопления капала вода — обычная хлорированная вода, пахнувшая канализацией. Капля упала Бонду на нос. Тот стоял рядом со мной, растерянно хлопая белесыми ресницами. Кажется, его идеальный теннисный корт и любящая мамочка растворились вместе с великаном, оставив после себя лишь потертую олимпийку и вечную потребность присвистывать от удивления.

Люк, через который утром заглядывал Четвертый адмирал, превратился в квадратную крышку технического люка теплосети. Сама голова исчезла — осталась только записка, прилепленная скотчем к бетону: «Ушел искать давление. Если вернусь раньше вас, сварите кофе. Целую, Четвертый». Почерк был мелким, дерганным и совершенно безумным.

— А медведи? — зачем-то спросил я, глядя на свинцовую воду вдали.

— Свитера довязывают, — пожал плечами Теоретик. — Им спешить некуда. Холод — вещь фундаментальная. Эй, новенькие! — вдруг крикнул он куда-то в сторону мусорных баков. — Выходим! Опись имущества никто не отменял!

Из-под горы старых шин и рваного рубероида начали выползать те самые тени жильцов с лестницы. Старуха катила перед собой тележку, набитую пустыми трехлитровыми банками. Молодая мать вела за руку девочку, у которой вместо лица было старое треснувшее зеркало. Они разбредались по берегу, занимая свои привычные места в новой иерархии мусора. Герцог сидел на выброшенной на берег лодке и молча чистил ногти кончиком ножа. Его должность больше ничего не обязывала, кроме как следить за порядком среди обломков.

Я подошел к кромке воды. Наклонился и зачерпнул ладонью. Вода была ледяной и абсолютно настоящей. Никаких галактик, никаких корней. Только мелкая взвесь песка и мазутное пятно радужным полукругом.

Я выпрямился. Повернулся спиной к воде и лицом к нашим застывшим товарищам. Корабль-призрак позади них перестал стонать и теперь просто был грудой отличного, хоть и побитого железа. Нашей общей могилой и нашим единственным домом.

— Ну что, — сказал я, засовывая руки глубоко в карманы куртки. Тяжелый латунный ключ-вилка больно впился в бедро. — Дежурство окончено. Пойдемте вскипятим этот чертов утюг. Есть хочется невыносимо.

Бонд первым неуверенно улыбнулся и громко присвистнул. Звук получился чистым, почти птичьим, и отразился от бетонных стен бывшего подъезда странной, неправильной эхо-фразой, смысл которой нам всем еще только предстояло расшифровать. Идти против течения оказалось проще, чем научиться просто стоять на твердой, равнодушной земле.

Глава 4

Мы развели костер прямо на палубе, между ржавой лебедкой и вентиляционной шахтой, из которой больше не доносился плач Четвертого адмирала. Дым уходил вертикально вверх, пронзая бетонный потолок девятого этажа, но вместо того, чтобы рассеиваться в сером небе, он собирался под ним плотным чернильным облаком. Вскоре с этого облака начал накрапывать мелкий дождь. Теоретик подставил под капли эмалированную кружку.

— Осадки со вкусом озона и несбывшихся надежд, — констатировал он, принохаясь. — На любителя. Зато бесплатно.

Бонд пытался разжечь сырые доски найденной газетой «Вестник навигации» за прошлый вторник. Бумага шипела, сворачивалась в трубочку, но гореть отказывалась.

— Не понимаю, — бормотал он, чиркая отсыревшими спичками о коробок. — Где балет? Где мой станок с зеркалом? Я должен танцевать «лебединое озеро».

— Лебединое озеро отменяется, балетный, — ровно ответил Герцог. Он сидел на перевернутом ящике и точил свой нож об обломок корабельной обшивки. Искры летели в ту же сторону, что и дым — к потолку. — В тот самый день, когда тебя забрали. Земля просто вернула тебе память без права на апелляцию. Перестань тереть палочки, иди лучше помоги Крабу. У него клешни отсохли, а чистить картошку руками он брезгует.

Краб действительно стоял у борта над оцинкованным ведром и с ужасом смотрел на свои бледные человеческие пальцы. Рядом валялась гора грязных клубней. Почуввав взгляд Герцога, он вздрогнул, схватил картофелину и принялся скрести ее ногтями так яростно, будто снимал с себя старую кожу. Из-под грязи полезла молодая белая мякоть.

Я подошел к тому месту, где утром была дверь подъезда. Теперь там зияла дыра, ведущая в никуда. За ней не было ни лестничной клетки, ни бескрайней степи. Там плескался густой туман, пахнувший мокрой псиной и типографской краской. Иногда сквозь него проступали силуэты белых медведей и слышался хрустальный звон соприкасающихся спиц, который сливался с мерным стуком капель по жестяной крыше рубки.

В кармане завибрировало. Я сунул руку внутрь и вытащил ключ. Костяная вилка исчезла. Теперь это был обычный плоский ключ от советского замка-щеколды, какими запирали двери в старых коммуналках. Только бородачка ключа мелко дрожала, словно по ней пропускали слабый электрический ток.

— Сварилось, — сказал я вслух.

— Что именно? — поднял голову Теоретик.

— Утюг. Вода выкипела. Мать ушла. Ключ остыл.

Теоретик внимательно посмотрел на мою ладонь, затем перевел взгляд на дыру в борту, потом на мои глаза. Медленно кивнул, признавая диагноз:

— Значит, фаза короткого замыкания пройдена. Начинается фаза проводки. Тебя теперь будет пробивать на людей, вещей. Аксиома меняется: корабль — это не река времени. Это громоотвод. И ты только что воткнул его в землю.

Словно в подтверждение его слов, снаружи раздался оглушительный треск. Мы все инстинктивно присели. Сверкнула молния и ударила в наш бывший мостик, разветвилась по антеннам, спустилась по мачте и с сухим щелчком вошла точно в латунную табличку с названием судна. Старое имя, которое мы давно забыли и закрасили толстым слоем сурика, вспыхнуло ослепительно белым светом. Буквы проявились сквозь краску: «ТОВАРИЩ ЖУКОВ».

Свет погас. Табличка раскалилась докрасна, выжигая вокруг себя круг на ржавом металле.

Из-за спин собравшихся у костра протиснулась маленькая девочка с лицом-зеркалом. Она подошла ко мне, встала на цыпочки и дыхла на зеркальную гладь своего лица. Пар скрыл

мое отражение. Тонким грязным пальцем она вывела на стекле кривую букву «Ю». Посмотрела на меня абсолютно черными зрачками, лишенными белков, развернулась и пошла обратно к мусорным бакам, волоча за собой пустую авоську.

— Нас вписали в домовую книгу, — хмыкнул Герцог, пряча наточенный нож в голенище сапога. — Поздравляю, экипаж. Теперь мы официально считаемся прописанными. Будут приходить счета за отопление дна морского. Четвертый, конечно, скроется в вентиляции, платить придется нам.

Он поднялся, хрустнув коленями. Подошел к краю палубы, где начинался серый песок берега. Наклонился, зачерпнул горсть земли, пропустил ее сквозь пальцы. Песок просыпался вниз вместе с мелкими белыми ракушками и осколками синего бутылочного стекла.

— Знаешь, почему Честертон сбежал? — спросил он, не оборачиваясь. Его голос впервые звучал не командно, а устало. — Потому что понял одну вещь раньше нас. Корабль нельзя покинуть. Можно только сменить порт приписки. Мы думали, плывем куда-то. А мы просто плавали в луже собственной блевотины посреди кухни. Теперь лужа высохла. Добро пожаловать на линолеум, салаги.

Герцог пнул ногой ведро, которое чистил Краб. Гора очищенной картошки вывалилась на палубу.

— Чисти заново, — бросил он. — Руками. Эта земля требует уважения. И супа. Отныне дежурства делятся не на вахты, а на первое и второе. Кто сегодня режет лук?

Лук лежал тут же, вперемешку с песком. Слезоточивый и едкий. Никто не шелохнулся. Все смотрели на меня. Даже Бонд перестал мучить газету и прижимал к груди недочищенную картофелину, как спасенного котенка. Медведь за бортом закончил зеленый шарф, примерил его на шею, удовлетворенно кивнул и достал из воздуха клубок красной шерсти.

Я вздохнул. Достал из внутреннего кармана куртки швейцарский нож, который каким-то чудом пережил и хот-дог, и конец света. Нажал на лезвие. Сталь тускло блеснула в свете костра.

— Лук буду резать я, — сказал я. — Но при одном условии.

— Каком? — насторожился Герцог, поворачиваясь всем корпусом.

— Вы перестанете называть меня «вещим», «парнем» или «Эй, ты». Меня зовут Хьюстон.

Повисла тишина, нарушаемая лишь звоном медвежьих спиц да шумом прибора из тумана. Имя повисло в воздухе между нами — тяжелое, настоящее, пахнущее сгоревшим домом и хлоркой больничных коридоров. Оно легло на наши плечи неудобным грузом. Называть вещи своими именами оказалось гораздо страшнее, чем видеть будущее.

Первым среагировал Краб. Он неуклюже прижал человеческую руку к груди и слегка наклонил голову — странный гибрид крабьего поклона и человеческого кивка.

— Понял, Хьюстон. Держи нож крепче, рука у тебя еще деревянная.

Герцог долго буравил меня взглядом, перекатывая желваки. Шестеренки под его кожей пытались провернуться, но механизм заржавел. Наконец, он растянул губы в ухмылке, от которой у новичка вроде Бонда затряслись бы колени.

— Садись к огню, Хьюстон. И следи за пеной. Если суп убежит через этот новый дверной проем, соседи снизу будут очень недовольны.

Мы готовили баланду из песка, морской воды, гнилой картошки и воспоминаний. Огонь костра отражался в моем левом глазу красным отблеском, а в правом — холодным блеском стали. Когда вода закипела, бросая в крышку брызги кипятка, я вдруг почувствовал запах. Тот самый, из сна. Запах горячего сахара и подпаленной шерсти.

Я обернулся. Белый медведь просунул морду прямо сквозь иллюминатор камбуза. Он тяжело дышал, вывалив огромный розовый язык. На шее у него болтался готовый красный свитер. Размеров на пять побольше моего.

Медведь фыркнул, окатив меня паром, требовательно ткнулся носом в мой нагрудный карман, где лежал остывший ключ-щеколда, и басовито рыкнул. Затем снова махнул лапой в сторону пляжа, где из тумана начали медленно проступать очертания огромного шатра шапито. Над входом в шатер светилась неоновая надпись, собранная из старых уличных фонарей: «ЦИРК ПОТЕРЯННЫХ АКСИОМ. СПЕКТАКЛЬ ВЕЧЕРОМ. ВХОД ПО ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ СТРАХА».

— Похоже, у нас появились билеты на галерку, — тихо произнес Теоретик, глядя поверх моей головы. — Первый ряд всегда занимают те, кто умеет правильно тонуть. Нам же, похоже, предстоит научиться ходить по натянутому канату. Без страховки.

Медведь согласно клацнул зубами, оставив на засаленном воротнике моей куртки длинный белый волос, пахнувший озоновой свежестью, и растворился в тумане вместе со своим цирком. Суп булькнул последний раз и притих, превратившись в густое, почти непрозрачное варево. Герметичность нашего нового мира была восстановлена. По крайней мере, до ужина.

Глава 5

Ужин мы ели в молчании. Баланда вышла на удивление сносной. Бонд ел так, словно боялся, что миску отнимут: низко склонившись над краем борта, громко прихлебывая. Герцог крошил в свою порцию сухарь, который достал из кармана кителя. Сухарь давно превратился в камень, и Герцогу приходилось бить по нему рукоятью ножа.

— В цирк пойдем все, — внезапно сказал он, когда ложки заскребли по дну мисок.

— У меня репетиция... то есть, дежурство по камбузу, — промямлил Краб, пряча руки под стол. Человеческие пальцы казались ему слишком уязвимыми без панциря.

— Отставить, — отрезал Герцог. — Дежурит Теоретик. Ему полезно размять деревянную ногу о твердую почву. А нам нужно понять правила игры. Если медведи раздадут свитера просто так, значит, скоро начнется взимание налогов. И платить нужно будет не деньгами.

Теоретик пожал плечами, вытирая свою эмалированную кружку подолом рубахи. Его деревянная нога тихонько пискнула, выпуская молодой зеленый побег прямо сквозь штанину.

— Налог на конечности, — меланхолично заметил он. — Или на память. Цирки потерянных аксиом всегда собирают дань тем, чего у тебя почти не осталось.

Когда сумерки окончательно слизали линию горизонта, превратив серое небо в чернильную кляксу, Герцог приказал выступать. Мы шли по берегу гуськом: впереди Герцог, своим звериным чутьем выбирающий путь между островами затонувших барж; следом я, затем понурый Бонд. Краб отказался идти пешком и забрался мне на закорки, обхватив шею холодными пальцами. Он весил неожиданно мало, как большой испуганный кот.

Шатер вырос перед нами внезапно. Издалека он казался декорацией, картонной бутафорией, но чем ближе мы подходили, тем реальнее становился запах опилок, зверинца и жженого сахара. Полотно шатра не было сшито из ткани. Оно состояло из плотно подогнанных друг к другу лоскутов человеческой кожи, покрытых татуировками. Там были синие перстни, купола церквей, имена «ЛЮСЯ» и «КОЛЯ», армейские группы крови и кривые сердечки. При нашем приближении татуировки начали едва заметно шевелиться. Купола пускали дым из нарисованных труб, а буквы складывались в новые слова: «ПРОХОДИ, НЕ СТУЧИСЬ. ЗДЕСЬ ВСЕ СВОИ, ПОКА ЖИВЫЕ».

Вход представлял собой огромную пасть, зашитую нитками. Нитки светились тусклым фосфорным светом. Герцог подошел вплотную, вынул нож и аккуратно перерезал одну из нитей. Пасть беззвучно распахнулась, выдохнув нам в лица порыв ледяного ветра, пахнувшего нафталином и карамелью.

Внутри горели тысячи свечей. Они стояли прямо на голой земле манежа, плавясь и роняя воск на утопанную глину. Под куполом, зацепившись хвостом за ржавый крюк, висел огром-

ный орангутан в потрепанном фраке. Вместо морды у него было старое фарфоровое блюдо с золотой каймой, расписанное мелкими незабудками. Орангутан раскачивался и курил длинную папиросу, вставленную прямо в отверстие блюда.

— Опоздали, — пробасило блюдо. — Акробаты уже отработали свой номер. Ушли в землю по пояс. Очень прониклись ролью корней.

— Нам не нужны акробаты, — спокойно ответил Герцог, выступая в круг света. — Нам нужна администрация. Ключ прошел через скважину. Земля меняет статус.

Орангутан поперхнулся дымом. Папироса упала вниз, воткнувшись в землю дымящимся фитилем. Блюде-морда повернулось к нам, внимательно осматривая каждого. Когда взгляд дошел до Краба, сидящего у меня на плечах, блюдо издало звук треснувшего фаянса.

— Декапод-обращенец? — проскрипело оно. — Редкий экземпляр. Обычно они теряют сознание при линьке сознания. Оставь его здесь, человек-громоотвод. Ему будет дурно от программы вечера.

— Он со мной, — отрезал я, чувствуя, как пальцы Краба еще сильнее впиваются в мои ключицы.

— Как знаешь, — равнодушно прозвенело блюдо. — Тогда занимайте ложу для виноватых. Первый ряд, слева от гильотины. Представление начинается с казни главного режиссера. Он забыл текст.

Герцог молча кивнул и пошел вдоль кромки манежа. Я последовал за ним, стараясь не наступать на тени зрителей. Тени сидели на невидимых скамьях, шуршали бумажными программками и тихо переговаривались. Когда одна из теней случайно задела мою руку, я почувствовал невыносимый холод могильного провала и услышал обрывок фразы: «...а я тебе говорю, носки сушить надо было на радиаторе, а не на глобусе...»

Наши места оказались весьма удобными железными электрическими стульями, обитыми потертым велюром. Напротив нас, в такой же ложе справа, сидел Четвертый адмирал. Вернее, только его голова. Она покоилась на бархатной подушке, а из шеи росла густая паутина, которой голова была намертво примотана к спинке стула. Адмирал блаженно улыбался пустому пространству.

— Давление! — восторженно прошептал он, заметив Герцога. — Вы чувствуете? Манометр души зашкаливает!

Свет свечей мигнул и погас. Осталась только одинокая лампа накаливания, висящая на толстом проводе точно в центре арены. Она загорелась резким белым светом, заставив всех зажмуриться.

На манеж вышел конференсье. Это был тот самый жук размером с собаку, которого я видел в трещине подъезда. Только теперь на спине он нес не осколок зеркала, а крошечный деревянный гробик. Жук остановился в луче прожектора, приподнял верхнюю часть хитинового панциря, открывая спрятанные внутри фрак и бабочку, и щелкнул лапками.

— Дамы и господа! — прогудел жук, хотя у него не было рта. Звук шел откуда-то изнутри его деревянного груза. — Сегодня гвоздь нашей программы! Эксклюзив! Впервые на арене материализовавшийся из коллективной травмы...

Он сделал драматическую паузу. Лампа над ареной начала медленно вращаться, отбрасывая длинные, искаженные тени.

— Человек, который научился спать во время кораблекрушения! Хьюстон! Прошу на арену!

Краб на моих плечах тоненько взвизгнул. Бонд икнул так сильно, что пламя ближайших свечей легло горизонтально. Герцог даже не пошевелился, продолжая методично чистить ногти кончиком своего ножа.

Жук указал на меня передней лапкой. Луч белого света ударил сверху, выжигая темноту вокруг. Деревянные доски арены передо мной разошлись, образуя идеально круглый люк —

точную копию того самого, из которого утром торчала голова четвертого адмирала. Из черной глубины повеяло запахом хлорки и мокрого железа.

— Твой выход, вещей, — шепнул мне на ухо Герцог, не поворачивая головы. — Акробаты ушли в землю, потому что испугались высоты. Тебе бояться нечего. Ты там жил пятнадцать лет. Спускайся. Покажи им настоящий финал.

Пальцы Краба ослабли. Он начал медленно сползать по моей спине назад, в спасительную темноту зрительного зала, превращаясь обратно в бледную труху. Но уйти я ему не дал. Я перехватил его за воротник бушлата и дернул на себя, усаживая рядом с собой на электрический стул.

— Сидишь тут, — тихо сказал я ему. — Смотришь в оба. Если засну — ущипни.

Я встал. Деревянные доски пола скрипнули под ботинками. Я шагнул в центр луча, прямо на крышку открытого люка. Посмотрел вверх, на лампочку. Затем вниз, в чернильную бездну.

И шагнул вперед, позволяя гравитации наконец сделать свою работу. Люк захлопнулся над моей головой с мягким чавканьем, отсекая звуки оркестра, который вдруг заиграл расстроенный вальс Штрауса.

Глава 6

Падения не было.

Вместо удара о дно или бесконечного полета в невесомости я ощутил вязкое сопротивление, словно шагнул не в шахту, а в густой, холодный кисель. Я стоял по колено в мутной воде затопленного подвала. Пахло мокрой штукатуркой и застоявшейся пылью — точь-в-точь как на мостике перед появлением двери.

Рядом барахтался Краб. Он ушел под воду с головой, вынырнул, отплеываясь, и обнаружил, что его человеческие руки снова превратились в массивные клешни. Увидев их в полумраке, он издал звук облегчения, больше похожий на скрежет пенопласта по стеклу, и тут же начал деловито ощупывать свое тело, проверяя целостность панциря.

— Где мы? — просипел он, цепляясь за мой рукав второй парой конечностей, которые росли у него из-под ребер.

— Внизу, — ответил я.

Это был не трюм корабля. Это была моя старая квартира. Та самая панелька, чей фасад мы видели утром в тумане, только перевернутая вверх дном и залитая сточными водами. Потолок здесь служил полом: линолеум пузырился от влаги, сквозь него прорастали бледные речные камыши. Мебельная стенка из ДСП висела над нашими головами, грозя обрушиться вниз сервиз «Мадонна», прибитый к полкам ржавыми гвоздями. Из разбитого экрана старого телевизора медленно вытекал тягучий черный мазут, собираясь в лужу, где плавали дохлые гуппи.

Я сделал шаг вперед. Вода доходила до колен. Каждый шаг поднимал со дна облачка ила, состоящие из старых обид и забытых детских обещаний. Под ногами хрустнуло. Я посмотрел вниз. Это были осколки настенных часов — тех самых, шестеренки которых перекачивались под кожей Герцога. Стрелки намертво впились в подошву моего ботинка, показывая без четверти никогда.

— Они ждут реплики, — раздалось из угла.

Там, в старом продавленном кресле, которое стояло прямо на потолочном плафоне и горело тусклым желтым светом, сидел Честертон. Выглядел он весьма довольным. На нем был чужой, явно великоватый адмиральский китель, а лицо покрывала недельная щетина. Вместо правой ноги ниже колена у него теперь была настоящая корабельная рында. Деревянный язычок колокола слегка покачивался, задевая кожу, издавая тихий, задумчивый звон.

— Текст забыл, представляешь? — доверительно сообщил Честертон, болтая рындой в воде. — Стоял там, наверху, прожектор в глаза бьет, жук этот скрипит... А слова разбежались. Пришлось прыгать следом за тобой. Здесь спокойнее. И гравитация понятнее — тянет не к

центру земли, а к моменту, когда отец впервые замахнулся ремнем. Очень неприятное направление, кстати. Спину ломит.

— Ты дезертировал, — голос Герцога прозвучал совсем рядом.

Мы резко обернулись. Герцог спускался с антресолей кухонного шкафа. Он прыгнул в воду бесшумно, подняв лишь пару брызг. Его парадный мундир исчез, сменившись простой тельняшкой. Шестеренки под кожей остановились, но оставили после себя глубокие, кровотокающие борозды.

— Нет, — Честертон улыбнулся, обнажая зубы с синими пломбами. — Я просто перевелся. Списан на берег. Корабль — это консервная банка, Герцог. Мы сами запаляли себя внутри, чтобы не слышать, как гниет обшивка. А Земля... она снаружи. Но открыть банку можно только изнутри. Хьюстон открыл крышку. Теперь сквозняк гуляет. Скоро весь наш мусор высыплется наружу. Придется делать уборку.

Краб, внезапно появившийся справа, нервно щелкнул клешнями. Мазут в телевизоре забулькал, и экран на секунду вспыхнул статикой. На сером фоне проступило лицо Четвертого адмирала. Он выглядел помятым, паутина на шее растрепалась.

— Давление падает! — радостно доложил адмирал. — Слезы закончились, началась фаза конденсации! Объявляю приказ по судну: считать потолок полом, а прошлое — инвентарем!

— Видишь? — Честертон кивнул на телевизор. — Они пытаются сохранить иерархию. Привычки — самый липкий ил, Хьюстон. Их нужно топить первыми.

Герцог шагнул ко мне. Вода вокруг него закручивалась воронками. Он смотрел на меня не как начальник на подчиненного, а как старый механизм смотрит на новую деталь, которая может сломать весь остальной агрегат.

— Зачем ты притащил сюда Краба? — спросил он тихо. — И зачем спустился сам? Мог бы просто стоять под лампочкой. Жук бы плюнул в тебя огнем, публика бы похлопала в ладоши, медведи связали бы тебе погребальный свитер. Стандартная процедура инициации.

— Аксиома Теоретика устарела, — я вытащил ногу из ила. Ботинок остался внизу, высовбожденный. Холодная вода обожгла стопу. — Громоотвод должен принять удар, да. Но если он воткнут в палубу, энергия уходит в пустоту. Ее некому распределять. Вы все искрите по отдельности. Бонд хочет летать, Краб боится рук, ты пытаешься быть сталью, хотя давно проржавел насквозь.

Я подошел к Герцогу вплотную. Между нами проплыла детская резиновая уточка кислотно-желтого цвета.

— Я видел конец света трижды, потому что каждый раз пытался удержать равновесие в одиночку. Сегодня я привел вас всех в свою ванную комнату. Топите свои страхи вместе со своими должностями. Иначе цирк выплюнет нас обратно на песок, и мы так и останемся сидеть там, ожидая супа.

Герцог долго молчал. Шрамы на его висках пульсировали в такт звону рынды Честертон. Затем он медленно наклонил голову, признавая поражение своего многолетнего командования в качестве командера.

— Хорошо, — сказал он. — Раздевайся.

— Что?

— Раздевайся, говорю. Твой вещий статус воняет страхом громче, чем носки всей команды. Если мы тонем, то делаем это начисто.

Он первым стянул через голову мокрую тельняшку. За ней последовала майка. Кожа на его груди оказалась не человеческой. Она состояла из плотно подогнанных медных пластин, покрытых зеленой патиной. Внутри грудной клетки вместо сердца снова билось что-то огромное и зубчатое, вращаясь с глухим механическим гулом.

Честертон восторженно звякнул:

— Редуктор главного калибра! Я всегда знал, что твоя должность обязывает!

Бонд, который до этого тихо скулил в углу, сжимая в руках невидимую балетную палочку, вдруг всхлипнул, бросил ее в воду и начал лихорадочно сдирать с себя олимпийку.

— Мамочка говорила, нельзя мочить ноги, — бормотал он, путаясь в шнурках. — Мамочка говорила, надо беречь ноги для сцены...Его кожа слезала вслед за одеждой, опадая в воду грязными хлопьями пепла. Под ней оказался хрупкий фарфоровый скелет балерины, собранный на шарнирах.

Краб уже разобрался сам. Он просто упал навзничь в мутную воду, выгнулся дугой, затрепал суставами, и его человеческий торс раскололся вдоль позвоночника, осыпавшись сухой листвой. Над водой осталась огромная хитиновая голова и мощные клешни. Настоящий краб выползал из кокона сгнившей памяти.

Я почувствовал сильное жжение. Костяной ключ-щеколда в кармане куртки раскалился добела. Я расстегнул пуговицы. Куртка упала в воду тяжелым камнем, рубаха расползлась под пальцами, как намокшая бумага.

Когда последняя нить моей старой жизни лопнула, свет в квартире моргнул. Черный мазут в телевизоре хлынул наружу потоком, заливая комнату до потолка. Вода мгновенно стала ледяной. Нас понесло течением — мимо висящей мебельной стенки, мимо унитаза, из которого вместо воды бил фонтан золотистого песка, прямо в вентиляционную решетку ванной комнаты.

Решетка сорвалась с петель с оглушительным лязгом. Нас втянуло в узкую трубу. Темнота сжала легкие. Летящая навстречу пыль забивала нос и горло. Это длилось вечность.

А потом труба закончилась.

Мы вылетели из нее пушечным ядром и рухнули на что-то твердое, горячее и шершавое.

Свет ударил по глазам — настоящий солнечный свет, оранжевый и огромный.

Я поднял голову. Мы лежали на ладони исполинского белого медведя. Он сидел на прозрачном стеклянном острове посреди тумана, держа нас бережно, как дети держат пойманного светлячка. Медведь одобрительно рыкнул, выпустил из ноздрей облачко морозного пара и осторожно опустил нас на поверхность острова.

Под ногами хрустнуло стекло. От миллионов осколков зеркал отражалось всё: перевернутые дома, наш ржавый корабль, летящий сейчас кувыркком сквозь облака, растерянный жук-конферансье, оставшийся один в пустом шатре, и мы сами — голые, сбросившие чешую своих историй, дрожащие не от холода, а от абсолютной, ничем не прикрытой реальности.

Четвертый адмирал падал где-то сверху, уменьшаясь в размерах, и кричал от восторга, потому что наконец нашел идеальное давление — нулевое.

Глава 7

Медведь не стал нас задерживать. Он лишь добродушно фыркнул, обдав наши лица облаком пара, пахнущего свежестыраным бельем и озоном, и принялся снова вязать — на этот раз из пряжи цвета грозового неба. Мы оказались на самом краю стеклянного острова.

Внизу больше не было ни серого песка, ни перевернутых барж. Там расстился Океан Забвения. Но это была не вода. Поверхность состояла из густого, медленно вращающегося тумана, в котором тонули звуки. Из этой молочной глубины то и дело проступали предметы: детская соска размером с лодку, одинокий резиновый сапог, внутри которого росла береза, пишущая машинка «Ятрань», клавиши которой сами собой отстукивали ритм прибора.

— Гравитация здесь работает по желанию, — хрипло сказал Герцог. Он стоял рядом со мной, голый по пояс. Медная патина на его груди тускло блестела на солнце. Механическое сердце сбавило обороты до мерного тиканья старых ходиков. — Главное, не смотреть вниз слишком долго. Начнешь вспоминать, как учился плавать, и камнем пойдешь ко дну вместе с надувным кругом в виде утки.

Честертон сидел на корточках у края, свесив свою ногу-рынду над пропастью. Язычок колокола задумчиво покачивался, выстукивая азбукой Морзе свое потерянное имя.

— А ведь я прыгал сюда за свободой, — протянул он, глядя, как туман поглощает звук звона. — А нашел только мокрые тапочки. Хьюстон, ты хоть понимаешь, что мы сделали? Мы сломали герметичность. Теперь сквозняк будет всегда.

Бонд — теперь уже полупрозрачный, фарфоровый, с трещиной поперек грудной клетки — танцевал пируэты прямо на битом стекле. Его движения были ломкими, но безупречно точными. Он наконец нашел свою сцену. Трещина на его животе тихо позванивала при каждом повороте, словно крошечный колокольчик.

Краб щелкал клешнями, стоя на четвереньках. Панцирь его отливал перламутром. Он склонился над краем, высматривая что-то в глубине.

— Там кто-то есть, — просипел он. — Большое. Оно жует мой дневник с двойками по математике. Слышу, как хрустит бумага.

Я посмотрел на свои руки. Кожа была бледной, покрытой мурашками, совершенно обычной. Никаких светящихся линий, никакой ржавчины. Видения чужих смертей исчезли вместе с курткой и страхом перед отцовским ремнем. Будущее стало пустым листом бумаги. Это пугало сильнее, чем гигантский корень или адмирал в вентиляции. Быть вещим означало иметь хотя бы плохонькую карту местности; быть просто человеком значило шагать в абсолютную неизвестность босиком.

— Нам нужен новый корабль, — сказал я. Голос звучал сипло, горло болело после вентиляционной трубы. — Этот старый летит сейчас вверх тормашками без штурвала и паруса. Адмирал дезертировал. Теоретик остался там, в цирке, спорить с жуком о природе времени.

— Без корабля мы просто мусор, который скоро растворится в этом бульоне, — кивнул Герцог. Его взгляд метнулся к Честертону. — У тебя нога звонкая. Можешь дать сигнал?

Честертон пожал плечами звякнув металлом:

— Могу сыграть «Прощание славянки». Только мотив получится похоронный.

— Играй.

Рында ударилась о край стекла. Раздался густой, вибрирующий гул, который пошел гулять по поверхности зеркального острова. Стекло завибрировало под босыми ногами. Отражения сотен наших лиц исказились, вытянулись в нити и начали отрываться от поверхности, улетаая вверх.

Гул уходил все дальше, в туманную мглу. Мы ждали. Медведь перестал стучать спицами и прислушался, наклонив огромную белую голову. Где-то далеко внизу, в темноте, раздался ответный звук. Не звон металла, а глубокий, утробный вздох исполинского зверя.

Туман начал расступаться. Он не рассеиваться, а именно расходиться, образуя идеально прямую линию горизонта. Из молочной глубины поднималась темная масса. Сначала показалась корма — огромная, изъеденная древоточцами, покрытая слоем ракушек величиной с каску. Затем борт. На облупившейся черной краске виднелись полустертые золотые буквы. Я прищурился, читая их против солнца: «ИМПЕРАТОР 404».

Это был линкор. Настоящий стальной монстр, во много раз превосходящий нашу старую помойку. Он всплывал абсолютно бесшумно, игнорируя законы Архимеда. Вода (или туман) скатывался с его бронированных боков радужными нефтяными пятнами. На мачте вместо флага реяло огромное, застиранное до дыр вафельное полотенце с вышитой посередине бордовой буквой «Ж».

По борту поползли шлюпбалки. Они изгибались, как суставчатые лапы насекомых, сплетаясь в живой трап. Он опустился прямо к нашим ногам, царапнув острыми деревянными ребрами поверхность зеркала.

— Вот это флотилия, — присвистнул Бонд. Его фарфоровое тело издало мелодичный звон. — Надеюсь, на камбузе есть нормальные пайки. И балетный станок в спортзале.

— Поднимайтесь, — скомандовал Герцог. В его голосе впервые прорезалось нечто похожее на уважение. — Вещий открыл не дверь. Он вызвал ледокол.

Первым на трап вскарабкался Краб. Его клешни впивались в дерево намертво. За ним последовал Бонд, двигаясь с грацией заводной куклы. Честертон замешкался, пытаясь закинуть свою рынду на плечо так, чтобы она не отбила ему бедро.

Герцог положил тяжелую руку мне на плечо. Медные пластины на его груди едва слышно гудели.

— Ты знал, что так будет? — спросил он, заглядывая мне в глаза. — Что Земля окажется потолком, а спасение — падением?

— Нет, — честно ответил я. — Я думал, меня просто съедят медведи. Или заставят танцевать.

Герцог издал короткий смешок, который перешел в металлический скрежет — шестеренки внутри него пытались провернуться впервые за долгое время, но механизм проржавел настолько, что смех застрял где-то в районе диафрагмы. Он убрал руку и молча подтолкнул меня к трапу.

Подъем занял вечность. Чем выше мы поднимались, тем теплее становился воздух. Пахло разогретым машинным маслом, заваренным кипятком чайным грибом и сухим жаром пустыни. Первое, что бросилось в глаза — палуба, она была идеально чистой. Ни пылинки, ни следа ржавчины. Кто-то драил её зубным порошком до состояния зеркальной поверхности.

У самого входа в надстройку, возле огромного медного штурвала, стояла фигура. Это был Четвертый адмирал. Целостный, плотный, трехмерный. Никакой паутины, никаких голов в люках. Он был одет в ослепительно белый костюм-тройку, а в руках держал поднос. На подносе стояли четыре граненых стакана, доверху наполненные прозрачной жидкостью, и блюдо с аккуратной горкой мелко наколотого сахара.

— Давление стабилизировалось, — доложил адмирал бодрым голосом, лишенным всякого безумия. Глаза его были ясными, ярко-голубыми. — Добро пожаловать на борт флагмана забортной канцелярии. Сахар к чаю брать обязательно, иначе уровень глюкозы в коллективном бессознательном упадет, и мы опять начнем видеть вяжущих свитера белых медведей. Лично я сыт ими по горло еще со времен вашей каюты, Хьюстон.

Он протянул поднос Герцогу. Тот взял стакан и недоверчиво покрутил его в пальцах. Граненый стакан в руке человека с медной грудью выглядел сюрреалистично правильно.

— Какая у нас задача, адмирал? — спросил Герцог, даже не пригубив содержимое стакана.

Адмирал улыбнулся уголком рта и кивком головы указал куда-то за горизонт, где Океан Забвения сходил с небом из старого советского ватного одеяла.

— Наша задача, командер, следить за течениями. Вы видели, сколько мусора всплыло, когда вы открыли крышку? Весь этот сентиментальный хлам теперь плывет к берегам живых. Нужно перехватывать.

Он перевел взгляд на меня.

— А тебе, Хьюстон, выпала самая сложная роль. Теперь, когда ты ничего не видишь наперед, тебе придется учиться думать спиной. Садись за телеграф. Передай на землю слово. Пусть знают, что навигация возобновлена.

Меня подвели к аппарату. Черные эбонитовые рычаги приятно холодили пальцы. Я посмотрел на клавиатуру. Руки двигались сами, подчиняясь мышечной памяти, которой у меня никогда не было. Пальцы легли на холодный металл.

Я набрал: «ЭВАКУАЦИЯ ОТМЕНЯЕТСЯ. ЗАНИМАЙТЕ МЕСТА СОГЛАСНО КУПЛЕННЫМ БИЛЕТАМ. КОНТРОЛЬНЫЙ ПРОЛИВ ЧЕРЕЗ ПЯТЬ МИНУТ.»

Рычаг ушел вниз. Аппарат отозвался тихим, довольным гудением трансформаторной будки. Буквы на бумажной ленте вспыхнули золотым светом и впитались в палубу, став частью ее идеальной чистоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.